

Оглавление

Глава 1
Кладбище, пирог и труп 7
Глава 2
Блог, кошки и подозрения 26
Глава 3
Модели, фото и пропавший брат..... 45
Глава 4
Садоводы, хейтеры и высокое искусство..... 62
Глава 5
Обед, Шекспир и волчий корень..... 77
Глава 6
Выставка, конверт и пленка..... 86
Глава 7
Квартира фотографа, чай и прочие дела 102
Глава 8
Тайны прошлого и компромат 115
Глава 9
Муза, яд и брендовая сумочка.....133

Глава 10
Версии, Лейтенант и закрытый сейф 151
Глава 11
Подозреваемый, подделка и муки совести 170
Глава 12
Фотосессия, представление и снова кот 187
Глава 13
Миг торжества, допрос,
и кто же все-таки убийца? 206
Глава 14
Любовные терзания и их последствия 223
Эпилог и котики.....248

Посвящается всем,
у кого болят колени

ГЛАВА 1

Кладбище, пирог и труп

Все началось на похоронах.

Стоял прекрасный погожий день, птицы щебетали свою весеннюю мелодию, а Берт Пирс по привычке клацал вставной челюстью.

Вообще-то, Марджери Лейн не любила похороны. Но чем старше она становилась, тем чаще ей приходилось на них бывать. Когда тебе почти семьдесят, ты с куда большим вниманием изучаешь в местной газете не объявления о помолвках и свадьбах, а раздел некрологов — потому что встретить там знакомые имена куда вероятнее.

Марджери нравилось все яркое: платья с цветочными принтами, пестрые шали. У нее даже волосы были рыжими, хоть в них и предательски пробивалась седина. Однако сегодня ей пришлось надеть невзрачный темный костюм, дабы ее не обвинили в неуважении к памяти покойного. И теперь она ощущала себя старой потрепанной вороной.

— Скорее бы обед, — вздохнула она и посмотрела на наручные часы своего соседа. — Мне скучно.

— Ты ела два часа назад, — прокомментировал владелец часов.

Артур Фишер — бывший старший суперинтендант полиции — был одет по-щегольски, держался прямо и даже за сто фунтов не признался бы, как сильно у него болело колено.

Вместе с ними стояла еще одна старушка — высокая, худая, одетая по моде семидесятых: воротник-стойка, черные воланы и вишнево-красная помада на губах.

— Это же похороны, в конце-то концов, — ворчливо заметила она. — Имейте совесть и не позволяйте разгуляться моему аппетиту.

— М-м, Бетти, представь себе филе-миньон. — Артур щелкнул языком. — Средняя про-

жарка. Брусничный соус. И бокальчик красного испанского вина.

Элизабет взволнованно хлопнула его по руке.

— Жить надоело? — прошипела она, но вышло слишком громко — священник, читавший молитву, остановился и поднял глаза на несчастную троицу. Те тут же затихли, будто школьники, пойманные за шалостью.

Стоявший в стороне Берт громко прокашлялся.

— У тебя в бороде крошки от скона[1], — обратила внимание Марджери, и бедняга тут же принялся их стряхивать.

— Извините, а мы скоро закончим? — раздался высокий голос старушки с крупным обеспокоенным лицом. Это была Элеонор Прайс, некогда староста класса и по совместительству бывшая жена покойного Нейта. — У меня запись к гастроэнтерологу через сорок минут.

— А у меня йога! — донесся комментарий с задних рядов.

— Бенджи не может сидеть дома один! — пожаловалась одна из самых молодых на вид леди — ей точно было не больше шестидесяти.

[1] Скон *(англ. scone)* — это традиционная британская выпечка, напоминающая небольшие плотные булочки или коржики.

— Бенджи — это пес или человек? — не удержался Артур.

Элизабет тут же шикнула на него.

— Это конь, — шепнула ему Марджери, которая была в курсе всего.

Священник наблюдал за балаганом с присущей ему невозмутимостью. Немного подумав, он добавил:

— Аминь.

Неизвестно откуда взявшиеся здоровенные детины (все рыжие и коротко стриженные — похоже, сыновья владельца похоронного бюро) начали опускать гроб в свежевырытую могилу.

— Покойся с миром, Нейт, — вздохнул Берт и уронил скупую слезу.

— Да ладно тебе, Берти, — сказал Артур, пригладив свою седую бороду. — Он даже не дал тебе списать на экзамене по химии.

Элизабет осуждающе покачала головой. Помнить такие мелочи столь продолжительное время казалось ей странным. Она предпочитала жить сегодняшним днем.

— Это было больше пятидесяти лет назад. Пусть прошлое останется в прошлом.

— Вот умер человек. Кладем его в могилу. И вместе с ним добро, что сделать он успел.

И помним только то, что было в нем дурного[1], — процитировала Мардж своего любимого Шекспира.

Она любила цитировать его и к месту, и не к месту. Но в данном случае слова пришлись как нельзя кстати, и она порадовалась, что вспомнила их.

— Зато из-за этого «неудовлетворительно» Берту пришлось остаться на второй год! — возмущению Артура не было предела.

— Какая теперь разница? — из всех троих Марджери, похоже, единственная искренне горевала по однокласснику.

У Нейта Берча не было семьи — за исключением бывшей жены, той самой владелицы слабого желудка, — поэтому почтить его память пришли лишь те, кого сиделка по его просьбе записала в блокнот. Это оказались товарищи по садоводческому клубу, приятели из паба «Бескрылый орел» и, конечно, одноклассники, с которыми он давно потерял связь. От приглашения не отказался никто. После пятидесяти тебя нечасто зовут на вечеринки, так что любые похороны воспринимаются как отличный повод выбраться из дома.

---

[1] Уильям Шекспир. «Юлий Цезарь» (перевод Т. Щепкиной-Куперник).

Когда все разошлись, Элизабет, Марджери и Артур ненадолго задержались возле могилы.

— Как твое колено? — поинтересовалась Элизабет у Артура.

Тот крепко сжал зубы, пока еще все свои, но не ответил. Разве хоть кому-то из мужчин захочется признаваться в своих болячках, если его об этом спрашивает женщина?

— Посмотрите, наш Нейт лежит под терном, — внезапно заметила Марджери. — Вы знаете, что из терновых плодов выходит отличный ликер?

Колючий куст уже вовсю покрылся зелеными листочками и как будто охранял вечный покой недавно ушедшего Берча.

— Вот и вернемся сюда, когда ягоды созреют, — немного раздраженно отозвался Артур. Он не удивился тому, с какой непосредственностью Марджери перескочила с усопшего на ликер. Она обожала готовить и любила об этом говорить.

— Ага, все-таки болит, — заключила Элизабет, намекая на его колено.

— Как думаете, а проводить нас придет кто-нибудь, кроме наших детей? — спросила Марджери. — Арти, без обид.

Артур был настолько закоренелым холостяком и настолько крепко пустил эти самые корни в свою холостяцкую жизнь, что не планировал оставлять после себя никакого наследства, кроме коллекции спортивных марок.

— Думаю, Линда Барнс придет, — задумчиво протянула Элизабет. — Она здоровается со мной каждое утро.

— И Питер из пекарни, — добавила Марджери.

— Моя кузина, кажется, все еще жива и живет где-то на Виргинских островах, — продолжила Элизабет.

Артур вздохнул:

— Может, хватит о смерти?

Но буквально через пять минут им пришлось заговорить о ней снова.

Компания шла по главной кладбищенской аллее, где располагались самые древние и, чего уж греха таить, самые красивые надгробия, и увидели, что кто-то сидит на скамейке у входа и трясется от рыданий.

— Сердечных капель? — предложила Марджери, когда они поравнялись с рыдающей. — Или печенек? — Она достала из сумочки свернутую в кулек салфетку.

Из-под элегантной шляпки с широкими черными полями показалось вполне симпатичное для своего возраста лицо. Сюзан Гриффитс, сиделка Нейта (а это оказалась именно она), отчаянно затрясла головой, словно прося, чтобы ее оставили в покое.

Артур без приглашения сел рядом и ободряюще похлопал женщину по спине. Он был рад возможности дать своему колену немного отдохнуть, не привлекая к этому особого внимания.

— Ну же, ну же. Все будет хорошо. Или вы расстроены, что Нейт не оставил вам наследства?

От такого хамства Сюзан перестала плакать и возмущенно воззрилась на Артура.

— Ч-что вы себе позволяете? — Она заикалась — то ли по жизни, то ли от стресса.

— Уже лучше, — улыбнулся Артур.

Марджери протянула Сюзан платок.

— Вот, возьмите, эти вензеля я вышивала еще до того, как превратилась в крота.

Расстроенная Сюзан вымученно улыбнулась.

— Мне просто жаль, что в последнее время он был совсем один, — призналась она.

— Но с ним были вы, — заметила Элизабет.

— Бетти, она имеет в виду, что у него не осталось близких, пустая ты голова! — в сердцах бросил Артур, из-за чего Элизабет поджала губы.

Марджери присела с другой стороны и накрыла морщинистую руку Сюзан своей пухлой ладонью.

— Моя дорогая, — заговорила она добродушно, — если вам нужна компания на сегодня, мы с радостью вас поддержим. Хотите, выпьем чаю в «Кошки и кофе»? А если желаете чего посущественнее, там подают отличный суп из горошка.

Сюзан шумно втянула воздух носом и окинула взглядом всю компанию, будто увидела их впервые.

— Хоть я и из Лондона, но знаю это место, — кивнула она. — Недалеко живет мой старший брат Роберт. Он в каком-то смысле местная знаменитость.

— Фотограф? — догадалась Элизабет. Она всю жизнь интересовалась модой и имела дома целую полку с тематическими журналами, которые продолжала покупать даже после выхода на пенсию.

— Точно, мы иногда с ним пересекаемся, — вспомнила Марджери. — Он любит забежать

в кафе за эспрессо навынос. У него еще такая смешная камера, прямо из моей молодости...

Сюзан промокнула глаза платком и робко предложила:

— Может быть, мы пригласим на обед и Роберта? Он тоже живет один, а сегодня мне особенно стыдно, что мы с ним так редко видимся.

— Отличная идея! — Марджери хлопнула по коленям, но тут же поморщилась: прихватило спину.

«Кошки и кофе» располагались на Джуристрит напротив городской библиотеки. Почти все здания на улице были невысокими — в один-два этажа, но то, в котором жил Роберт, возвышалось на целых пять, включая нулевой.

Когда компания высадилась из такси по нужному адресу, глаза Сюзан опухли от слез, но она больше не плакала. Задрав голову, она слабо улыбнулась тонкими губами.

— О, взгляните, это он, Роб! Роб! — Сюзан помахала, но расстояние было слишком большим, чтобы ее заметили. — На балконе последнего этажа. Наверное, вышел покурить...

Действительно, там, куда она указывала, можно было разглядеть силуэт долговязо-

го мужчины, одетого во все черное, словно он тоже только что пришел с похорон.

Внезапно фигура покачнулась. Казалось, будто тело стало деревцем, согнувшимся от порыва ветра. Мгновение — и черная тень метнулась с балкона и устремилась к земле.

Все это случилось столь внезапно, что никто не успел проронить ни слова. Марджери показалось, что она посмотрела какой-то страшный фильм в ускоренной перемотке. Потому что поверить в то, что это произошло в реальности, было невозможно.

Роберт Гриффитс неподвижно лежал на асфальте. Не нужно было обладать феноменальной наблюдательностью, чтобы понять: он мертв.

Марджери невольно подняла глаза на балкон, и ей показалось, что в дверном проеме кто-то промелькнул. Возможно, это была всего лишь игра света или ее воображения.

Тишину нарушил крик Сюзан. Она бросилась к телу и упала рядом с ним на колени.

— Я вызову полицию, — сказал Артур и полез в карман за телефоном. Модель у него была старенькая, но работала исправно.

— Кругом смерть, — еле слышно заключила Элизабет и обхватила озябшие плечи руками.

И только Марджери ничего не сказала: она пыталась понять, действительно ли кто-то погасил свет в квартире Роберта.

Вокруг места происшествия начали собираться зеваки. Какие-то подростки в обвисшей одежде оживленно обсуждали ситуацию, а один даже принялся записывать стенания Сюзан на камеру. Артур вовремя это заметил и перегородил им дорогу.

— Что вы здесь делаете, молодые люди? — грозно спросил он, сложив руки на груди. Возможно, в молодости, когда работал полицейским, Артур и внушал детям трепет, но сейчас этот номер не прошел.

— Отойдите, дедуля! — Мальчишка лет тринадцати надул пузырь из жвачки и громко его лопнул. — Загораживаете.

— Здесь произошло большое несчастье, — продолжил настаивать Артур. — Проявите уважение к родным.

Элизабет подошла к Артуру для поддержки, которая, судя по всему, ему очень требовалась.

— А то что? — цокнула девчонка с кольцом в носу, как у быка.

— Артур, сейчас приедет полиция. — Элизабет тронула его за рукав. — Давай ты не будешь драться с малолетками?